

А ГОЛОС ТАК ДАВНО ЗВУЧАЛ

Восп. Москва. — 1995. — 20 сент. — с. 5.

«... И началась пора высших оперных успехов, ибо ко всему он обрел постоянную — молодую, красивую, с прелестным голосом — партнершу. Наконец-то любители оперы без всякого насилия над сознанием поверили в страсть Альмавивы к Розине, в увлеченность герцога Джильдой, в мучительную любовь Альфреда к Виолетте, и во все прочие оперные страсти. На сцене была пара, как будто созданная друг для друга, в голосах редчайшее родство. Вершиной этого союза явились «Ромео и Джульетта». Ромео — Лемешев, Джульетта — Ирина Масленникова. Как все тогда удалось театру! И как это помнят москвичи!.. И словно завороченная этой парой музыка Гуно утратила слащавость и стала светло-трагичной... Мы услышали голос самой любви и увидели любовь, а не ее грубую имитацию». (Юрий Нагибин, «Певучая душа России»).

Я позволила себе начать свои воспоминания с цитаты Юрия Нагибина, потому что была свидетелем не только этого спектакля, но и всех триумфов уникальной оперной пары. Случайно я попала на дебют Ирины Масленниковой, а затем уже следила за ее становлением и взлетом, ибо видела и слышала на сцене Большого, его филиалов практически все ее выступления.

Я заканчивала тогда институт, писала дипломную работу о творчестве С. Я. Лемешева. Надо сказать, что дело это было непростое.

Прорваться к нему, всегда окруженному толпой поклонниц, было почти невозможно, к тому же тяжелая болезнь — туберкулез легких — отнюдь не делала его человеком, жаждущим общения и расспросов. Да и вообще Лемешев был чрезвычайно скромным. «Что за тему вы выбрали! — искренне недоумевал он. — Писали бы, например, о Собинове».

Но однажды ярким солнечным днем я встретила его у Большого театра с сияющими глазами и поистине счастливым лицом. «Знаете, — не дожидаясь вопроса, воскликнул он, — я сегодня услышал и увидел чудо. Боже мой, какая Снегурочка! Голос-колокольчик, волшебница из русской сказки. У нас новая молодая певица — Ирина Масленникова, непременно послушайте».

— Действительно, — вспоминает сейчас Ирина Ивановна. — На спектакле «Снегурочки» мы и познакомились.

А было это во время войны. Студентка Киевской консерватории по классу фортепьяно (впоследствии она перешла на вокальное отделение) год пела в Киевской опере, затем блестяще дебютировала на сцене Большого в партиях Розины («Севильский цирюльник») и Джильды («Риголетто»). Пройдя строгое оперное жюри, она стала солисткой Большого театра. Совершенствуясь от спектакля к спектаклю, много лет заволаживала Ирина Масленникова любителей оперы серебристым колоратурным сопрано удивительного тембра. Поражало не только вокальное мастерство, но и драматический талант и явно глубинное проникновение в литературную, историческую первооснову оперы. Многообразие трансформаций Ирины Масленниковой объяснялось просто: она с «младых ногтей» была по-настоящему образованна. И, признаться, когда сейчас на мой вопрос о любимых писателях она среди первых назвала В. Шаламова, я была сражена наповал.

Музыкальность, знание школы вокала и фортепьяно, глубокая эрудиция объясняли не только причину постоянного экстаза любителей оперы 40–50-х годов. Становилось понятным и почему впоследствии так рвались в класс Масленниковой юные абитуриенты ГИТИСа и Московской консерватории, откуда многие из них выходили незаурядными певицами.

Первая молодость еще не миновала, но Ирина Масленникова решила остаться в памяти москвичей вечно юной и прекрасной оперной примадонной. В 1956 г. она оставляет сцену и уходит преподавать вокал в ГИТИС. Десятки учениц Масленниковой блистают на сценах театров музыкальной комедии и оперетты. Достаточно назвать одну из очаровательных солисток Московской оперетты Лилию Амарфий. Особенно забавна была история с дочерью Ирины Ивановны — Машей. Малышкой она заявила, что ни за что не будет петь, потому что мама и папа всегда перед выступлением заболевают. Так казалось девочке: ведь, готовясь к спектаклю, певцы целый день молчали. Но годы шли, родители, к сожалению, расстались, а Маша, окончив школу, твердо заявила: буду только певицей. Приговор матери был суров: «Нечего и думать, голоса для сцены у тебя нет». Маша попросила отца прослушать ее, и мнение Сергея Яковлевича было иным: «Передай маме, что материал есть, запряган, правда, глубоко, но она сумеет его «вытянуть». Ничего не сказав матери, которая была в

отъезде, Маша отправилась сдавать экзамен на музыкальное отделение ГИТИСа, но с непременным условием: только в класс к Масленниковой. Она выдержала экзамен, и мама превратилась в... педагога.

— Вы знаете, — говорит сейчас Ирина Ивановна, — Маша была такой трудягой. И сейчас она, действительно, стала хорошей певицей.

Это я знаю! Мария Лемешева поет первые партии колоратурного сопрано в Московском музыкальном камерном театре под художественным руководством Б. А. Покровского. И серебристый тембр ее голоса так похож на знаменитый масленниковский.

С 1975 года Ирина Ивановна, ныне профессор, преподает вокал в консерватории. А уж какой это знаток постановки голоса, свидетельствует блистательная плеяда выпускниц, которые словно продлевают славу Масленниковой. Среди них абхазка Герзмава Хибла, получившая недавно гран-при на конкурсе имени Чайковского, лауреат конкурса «Вердиевские голоса»; солистка Большого театра Лариса Рудакова — гран-при на конкурсе в Барселоне и 1-й приз в Санкт-Петербурге. Ученица Масленниковой и лауреат международного конкурса Моцарта в Австрии Татьяна Коровина (Курск). И солистка Большого Мария Гаврилова, и лауреат Международного конкурса в Бельгии Марина Жукова — солистка Московского музыкального камерного, которую нередко приглашают также на главные партии в «Новую оперу» знаменитого Колобова.

Разве не вторая молодость пришла с молодыми певицами к Ирине Масленниковой? Правда, ежегодно она мечтает уменьшить класс — устают.

Но «жалко девчонок, еще попадут в не слишком профессиональные руки!

Вот опять набрала десять учениц».

Вы думаете, это все? Ничуть не бывало! Станным образом, но совсем с иной стороны пришла и третья молодость. Она прилично знала английский язык. И когда в Музыкальном камерном поставили спектакль Бриттена «Давайте создадим оперу», я с удивлением увидела в программке: «либретто Ирины Масленниковой». Это было лишь начало.

Любители музыки знают, что в этом театре ставят не только новые оперы современных русских композиторов, но и забытые классические произведения. Вот некоторые из них: Паизиелло — «Севильский цирюльник, или Тщетная предосторожность» (не путать с оперой Россини!), Гайдн — «Неожиданные встречи», Телеман — «Пимпиноне», Чимароза — «Дирижер оркестра», перечислять далее не стану. Но в программке каждого из этих спектаклей: «русский перевод Ирины Масленниковой», «перевод либретто И. Масленниковой».

— Как вам это удается? — спросила я. — Ведь даже зная язык, читая со словарем, совсем не просто поло-

жить слова на музыку...

— Но ведь я не только певица, я пианистка, слова как-то сами просятся на музыку. Удивляюсь, но мне это не трудно.

Разве не третья молодость? Ирина Ивановна, извиняясь, на несколько минут прерывает наш разговор — на плите готовится ужин, скоро придет из театра усталый муж, любящий отчим Маши — Борис Александрович Покровский.

А еще на даче есть огород, куда с весны до осени в редкое свободное время ездит хоть немного поработать эта удивительная женщина. И, между прочим, машину водит сама.

И я задаю каверзный вопрос: «Считаете ли вы, что полностью осуществились в жизни, мне жаль, что вы рано покинули оперную сцену».

— Я думаю, что все же — да. Уходить со сцены даже через «не могу» надо вовремя. Жаль одно, не спела я партий, о которых мечтала: Маргариту в «Фаусте» и любимую свою Манон. Мне кажется, у нас с ней так много общего, — смеется она. — Но дирижер Мелик-Пашаев посчитал мой голос слишком легким для этих партий.

Не смею спорить с замечательным, ныне покойным, дирижером Мелик-Пашаевым, но твердо убеждена: на этот раз он ошибся. Достаточно послушать грамзапись дуэтов Манон и Де Грие в исполнении Масленниковой и Лемешева, чтобы понять, как много потеряли любители оперы, не услышав в те времена «Манон» Массне.

Конечно, нельзя объять необъятное. И все же, все же! Сколько прекрасных, нелегких и таких неординарных жизней прожила эта невысокая, хрупкая женщина, которая и по сей день стоит у меня перед глазами нежной Джульеттой, тоскующей по любви и гибнущей от нее Снегурочкой, излучающей сказочное сияние, пленительными женщинами разных стран и эпох — Виолеттой, Розиной, Лакме, Джильдой. А главное — навсегда красивой, с голосом-колокольчиком, гордостью русской оперной сцены, прославленной Ириной Масленниковой, народной артисткой России.

Мария ГЕНИНА



Жизнь как песня
Ирины Масленниковой